

С. ТАЧАЛОВ

ЖИВЫЕ ЗОНТИКИ

С. ТАЧАЛОВ

ЖИВЫЕ ЗОНТИКИ

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Я Р О С Л А В Л Ъ

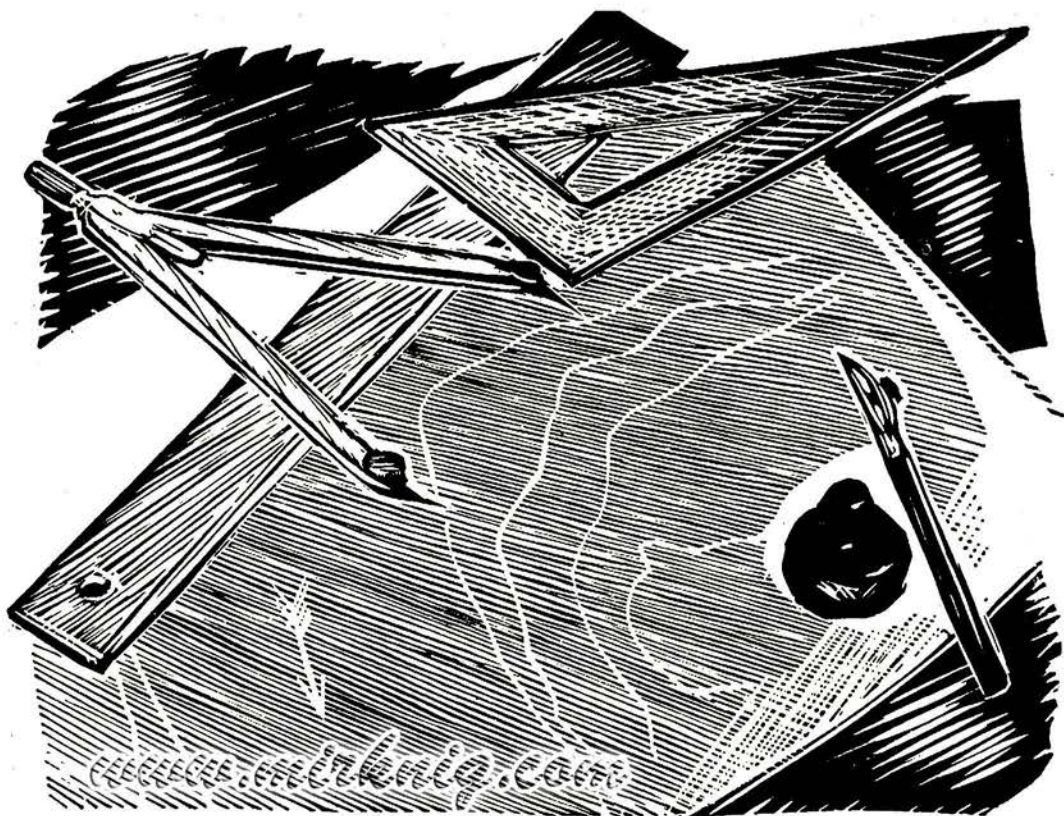
1 9 6 4

Серафим Николаевич Тачалов живет у самого Рыбинского моря. Там и работает по своей научной специальности — изучает жизнь громадного водоема, созданного руками человека. Но его пытливый, внимательный глаз подмечает много интересного, а порой и очень забавного во всем живом на воде и на берегу. На его памяти — сотни любопытных встреч со зверями, птицами, рыбами и даже насекомыми. О некоторых из них и рассказывается в этой книжке.

Гравюры на линолеуме

художника

В. ЖУКОВА

ИСЧЕЗНУВШИЙ ЧЕРТЕЖ

Мы получили срочное задание — составить проект сельской ГЭС. Нужно было провести топографическую съемку участка реки. На другой день выехали к месту работы.

Скоро на берегу, в большой излучине, уже стояли две брезентовые палатки. Дымился костер. Языки пламени лизали кастрюлю и большой чайник.

Оживились берега реки. Каждый занялся своим делом.

В течение двух дней мы почти закончили необходимые работы.

Я составил в карандаше план. Чтобы обвести его тушью, пригласил техника Ивана Яковлевича Яковлева. В палатке чертить было

неудобно, и Яковлев ушел в один из маленьких домиков соседней деревни.

Вечером я зашел к нему. На столе лежал знакомый лист ватмана. На нем вместо карандашных линий в вечернем освещении блестели четкие черные линии. Блеск туши показался мне играющим.

— Иван Яковлевич, почему так светится чертеж?

— Да я в тушь сахару добавил, — ответил он.

Посидев немного в комнате и побеседовав со старенькой хозяйкой дома, я ушел к палаткам. Поужинавшие изыскатели сидели вокруг костра и пели:

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя...

Под непрерывно меняющиеся мотивы песен я так и уснул в палатке.

Утром меня разбудил взволнованный голос Ивана Яковлевича.

— У меня несчастье! Полностью готовый чертеж оставил вчера на столе. И сегодня его не обнаружил.

— Как не обнаружил?! — воскликнул я в недоумении.

— Бумага осталась, а на ней... ни одной линии.

— Может, ребята вам ватман подменили? Кроме хозяйки кто еще был в доме?

— Никого, — упавшим голосом ответил Иван Яковлевич.

Быстро одевшись, я проверил запас ватмана. Все листы оказались на месте. Товарищи уверяли, что никто не уходил из палаток.

Ни одна догадка не приходила в голову. Не могла же так зло подшутить добрая старушка! Что делать? Кончается предоставленный нам срок для завершения всех работ. Решили быстро восстановить чертеж и строго наблюдать за ним.

До позднего вечера трудился Иван Яковлевич. Чувствовал себя он неважно: из-за меня, мол, люди задерживаются.

Когда он снова закончил чертеж, я предложил ему:

— Ложитесь-ка поспать. Я посижу немного. А тушь высохнет — уберу чертеж.

Он послушался и скоро заснул.

На улице было тихо-тихо. Крупные кучевые облака заслоняли звездное небо. Необычайно быстро стужалась тьма.

«Будет гроза, — подумал я, — днем сильно парило».

Замигала лампа. Фитиль обуглился и начал чадить, выбрасывая хлопья сажи. Кончился керосин. Но не будить же ночью хозяйку! Я встал и погасил лампу. Уселся у раскрытого окна.

Утомленный хлопотами длинного летнего дня, я не заметил, как заснул. Проснулся от удара отдаленного грома. Прислушался и в наступившей предгрозовой тишине уловил какое-то шуршание на столе. Подбежал к чертежу, чиркнул спичку.

От вспыхнувшего огня с ватмана в разные стороны разбегались крупные черные тараканы. Часть линий на чертеже опять исчезла.

— Сахарок, сахарок нас подвел, Иван Яковлевич, — сказал я тихо, чтобы не разбудить спящего.

Удивленный такой разгадкой исчезнувшего чертежа, я не заметил, как догорела спичка и обожгла мне пальцы.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

змученные летним зноем, мы шли по пыльной дороге. Ящики с приборами тяжело давили на взмокшие плечи. Часто мы останавливались покурить.

И на этот раз, усевшись в частом березнячке, курили и тихо переговаривались между собой. Впереди по дороге, в ярких цветах, лежала большая пойма реки. Высокая бровка долины, обросшая густым лесом, обрывом спускалась в пойму. В одном месте у оврага обвал оголил песчаный откос. По нему сверху вниз бежала пыльная дорожка и таяла в полуденном мареве.

Было тихо. Не шевелился ни один лист. И то, что мы увидели, показалось странным. Раскрыли теодолит. Навели трубу на откос и застыли в недоумении.

По пологому оврагу наверх подымалась медведица, что-то сжимая передними лапами. Поднявшись на бровку долины, она остановилась

у обрыва и положила ношу на край. Присмотревшись, мы увидели, что это камень. Подошли два маленьких медвежонка и столкнули его. Он покатился вниз, подымая клубы пыли. Медвежата, наклонившись вперед, внимательно смотрели на падающий камень и облачко пыли, поднятое им.

Когда пыль улеглась и смотреть стало не на что, медвежата подошли к матери и начали подталкивать ее мордочками.

Помешкав немного, медведица снова направилась в овраг, чтобы еще раз поднять наверх камень.

И все это для того только, чтобы довольны были дети.

РЕДКИЙ ЭКСПОНАТ

Медведь торопливо шел бором. Остановился у большого муравейника, разворошил его и полакомился жирными яичками. У высокого пня на ходу обсосал ягоды брусники. Насторожился и обнюхал пахнувший теплой хвоей воздух: где-то хрустнули сухие ветки.

Из-за низких кустов вереска выскочила лайка. Увидев медведя, оскалила зубы и заворчала. Потом, осмелев, звонко залаяла, бросилась к медведю и, захлебываясь от ярости, старалась ухватить его за ногу. Медведь встал на дыбы и лапой отмахивался от назойливой забияки.

Показались охотники (в ту пору еще не была запрещена охота на медведей). После целого дня преследования они, вместо того чтобы стрелять, остановились, пораженные: очень уж велик зверь и притом черный.

Медведь заметил их. Крупными прыжками, петляя, он убегал от остолбеневших преследователей.

Раздались запоздалые выстрелы.

Медведь добежал до реки, не раздумывая бросился в воду и поплыл к лесу, видневшемуся на другом берегу.

Собака заметалась вдоль берега и жалобно заскулила. На широкую песчаную отмель вышли охотники. Они тоже были готовы завывать от досады: медведь уплывал на территорию заповедника. Все пропало. Там выстрел раздается только по особому разрешению, для научных целей.

— А что, если получить такое разрешение? — пришла одному из них счастливая мысль.

И вот оба охотника стоят перед столом директора, с азартом, перебивая друг друга, рассказывают:

— Вы понимаете, ноги у нас отнялись, когда увидели его стоящим. Красавец. Разрешите добить, товарищ директор, пропадет он все равно, раненый.

Энтузиазм охотников смутил директора. Заповедник давно хотел иметь чучело медведя для своего музея, но попадались только небольшие экземпляры бурых медведей. А вдруг и вправду этот медведь крупнее обычных, живущих в ярославских лесах? Может, разрешить, оговорив для музея шкуру?

— Век такого зверя не видели, — упрямо твердили охотники. — Чернее голенища.

Черные медведи здесь редки. Этот довод оказался решающим.

Через час, в сопровождении егеря, охотники снова углубились в лес.

Собака быстро нашла след. Медведь лежал в буреломе и зализывал свою рану...

Медвежья шкура, растянутая по стене музея, своими размерами вызывала удивление, а цвет ее заставлял радоваться сделанному приобретению.

Но радость оказалась преждевременной. Когда препаратор готовил шкуру для чучела, промывал ее, она вдруг приняла обычную бурю окраску.

Оказалось, что лесной бродяга жил в старых угольных ямах и вымазался в угле до черноты.

НЕОБЫЧНЫЙ ИСТОЧНИК

Памяти А. П. Пыхалова

теплый майский полдень я подошел к дому моего товарища в деревне Копосово. Саша Пыхалов поставил под умывальник, висевший на заборе, ограждающем молодой сад, пустой таз и пригласил меня присесть на завалинку.

Тихо разговаривая, мы любовались буйным цветением кустов черной смородины.

Почти с равномерными промежутками времени с конца стержня умывальника срывалась крупная капля и с мелодичным звоном разбивалась о дно пустого таза. В окружающей тишине, нарушаемой только гудением шмелей, этот звон был отчетливым, обращал на себя внимание.

Вдруг из-за двора выбежал маленький лосенок и встал у умывальника, в тени большого куста смородины.

Я остолбенел.

Заметив мою оторопь, Саша заговорил:

— Я еще не рассказывал тебе об этом лосенке? Видно, он потерялся от матери. Пристал ко мне в лесу, с неделю ходит у дома. Правда, красивый?

Да, он был интересен, как все малыши.

Прячась в тени, лосенок прислушивался к звукам капель. Потом потянулся к мокрому пятну на дне таза. Одна из капель угодила ему прямо в нос.

Вздрогнув от неожиданности, лосенок мотнул головой и, словно проверяя, откуда она по-

явилась, устоялся на мокрый стержень. Еще выше поднял голову и, приплюсываясь, нечаянно коснулся стержня снизу.

Струйка воды растеклась по его мордочке, часть воды, как видно, попала на язык. Это ему понравилось. Он снова дотянулся до стержня и, как будто это делал ежедневно, толкнул его.

Сначала шершавым языком лосенок облизывал мокрый нос. Потом стержень соской вполз в губы, и струйка воды стала непрерывно стекать прямо в рот. Сладко чмокая и не выпуская изо рта чудесного стержня, лосенок впервые в жизни утолял жажду из такого необычного источника.

ТРЕХМИНУТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

лампа «молния», подвешенная низко над столом, тускло освещала большую комнату караванки.

Хотя было уже довольно поздно, шло очередное заседание. Караванный капитан Яков Васильевич Чалов, высокий и упитанный мужчина средних лет, старый речник, делал сообщение о ходе работы. Вдоль стен на расшатанных скрипучих скамейках размести-

лись участники совещания.

В монотонный голос Чалова ворвалось громкое, призывное скуление собачонки за дверью. Послышалось царапанье когтей по клеенчатой обшивке.

Капитан «Ястреба» Федор Васильевич Бушуев, как всегда украдкой кутивший у входной двери, встал и толкнул ее. В комнату стрелой влетела маленькая дворняжка и сразу же юркнула под скамейку, а за ней — вторая собака, с сильной мускулатурой и короткими стоячими ушами.

Увидев людей в освещенной комнате, она остановилась. Шерсть на загривке задвигалась, забегали зеленоватые огоньки глаз, появился оскал зубов с крупными клыками.

— Батюшки! Никак, волк! — выкрикнула тетя Глаша, вахтенный матрос, и грузно полезла на канцелярский шкафчик.

Сидевшие вскочили на скамейки, несколько человек бросились в соседнюю комнатку и закрыли за собой дверь.

Встав из-за стола, я начал оглядываться. Тетя Глаша, стоя на коленях на шкафчике, следила за волком широко раскрытыми глазами, в которых светился ужас. Яков Васильевич сжимал в руке легкую пепельницу и о чем-то мучительно думал. Трое толкали дверь в соседнюю комнату. Она немного подалась, но появившаяся узкая щель быстро исчезла: оттуда счастливцы подпирали ее с неменьшим усилием.

Как только началась суматоха, волк неестественно повернулся всем корпусом, подбежал к освещенному луной окну и бросил лапы на подоконник. В окно он видел искрящийся снег, но нос его упирался в холодное стекло. Вероятно, он думал, как выбраться из ловушки.

— Слушайте, мужики, впустите нас! — уговаривали вполголоса из большой комнаты.

— Где волк? — спросили из маленькой.

— У большого окна, смотрит на улицу.

— Заходите быстрее...

Дверь распахнулась, и вторая группа людей бросилась в нее, толкая друг друга.

Волк, услышав шум, метнулся вдруг в мою сторону. Глаза у меня забегали вправо, влево, вверх и остановились на притоке.

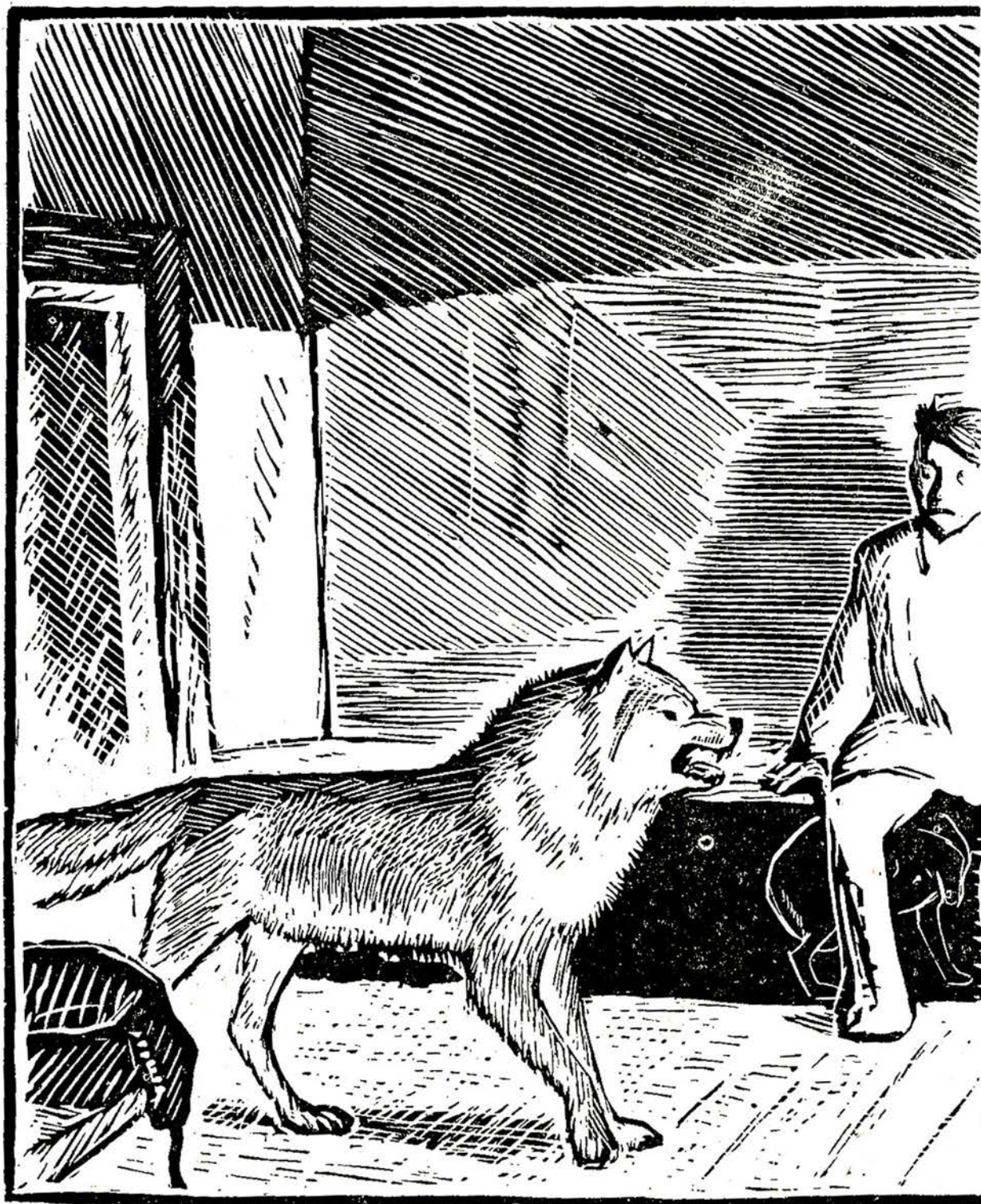
Быстро вскинув руки, я повис на ней и подтянулся. Волк пробежал у меня под ногами. У входной двери в кухню на него затопал ногами Федор Васильевич. Волк вернулся в большую комнату, где осталась одна тетя Глаша.

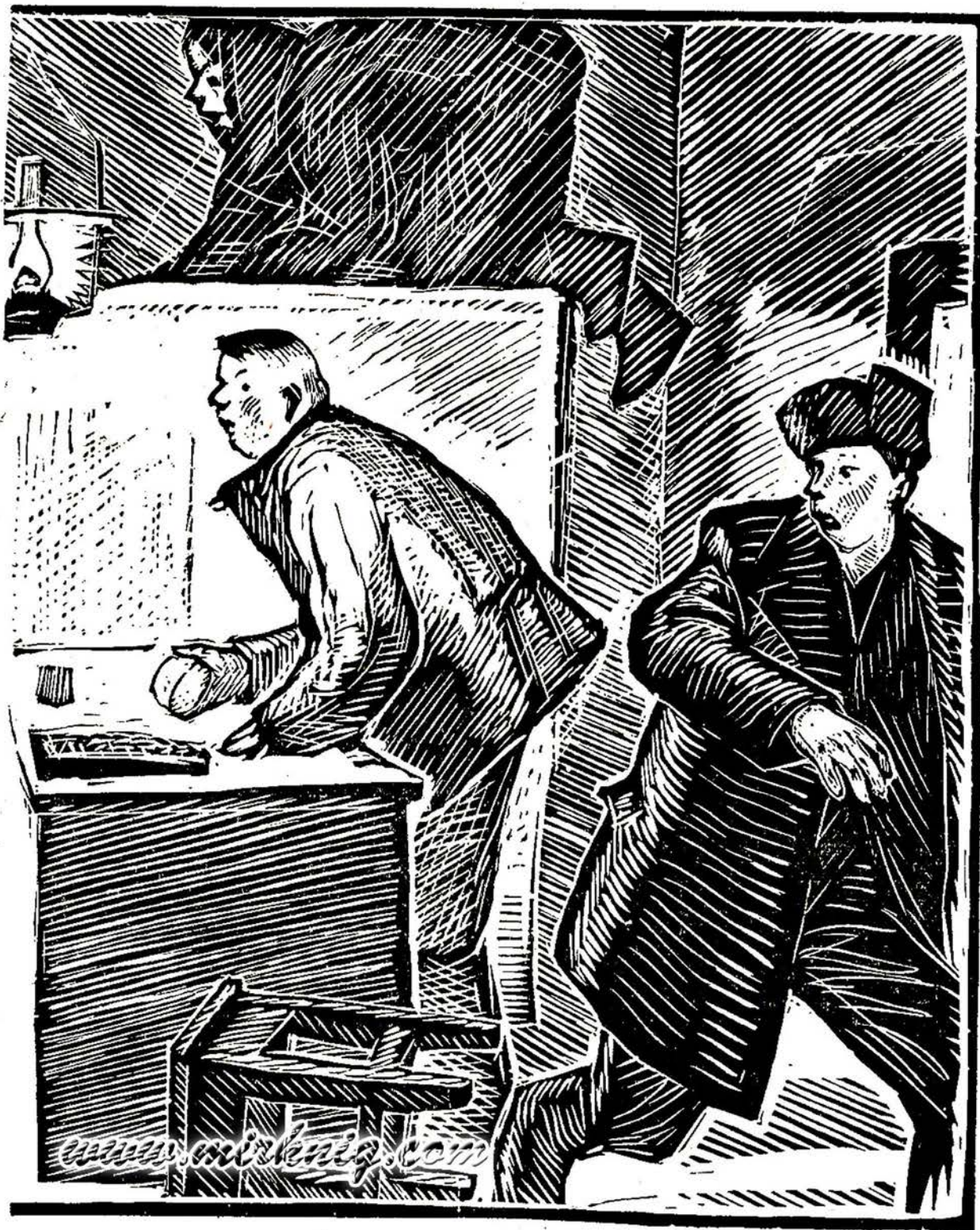
Раздался ее визгливый голос:

— Мужики! Где вы? Как вам не стыдно? Бейте его чем-нибудь! Может, он бешеный.

Чем бить? Было бы что-нибудь пригодное для удара, а то чернильница-опрокидушка да пепельница — вот и все, что попало на глаза.

И вдруг у меня возникло желание выпустить серого разбойника на улицу, пока он не натворил бед. Я спустился на пол и побежал к

двери. Нащупав в темноте скобку, почувствовал, что кто-то сжал мою руку.

— Слушай! Как быть? У меня с собой багорик, да вот боюсь промахнуться. Что тогда делать, — вполголоса говорил боцман с «Казани» Фролов.

— Пойдем в коридор. Откроем дверь. Я засвечу фонарик, а ты бей, только не мажь.

— Да уж как выйдет!

Быстро переходим в коридор. Достаю из кармана полушубка фонарик. Фролов нацеливается багориком... Приготовились... Ждем.

Струя холодного воздуха клубом ворвалась в комнату. Лампа «молния» несколько раз выбросила в стекло длинный язычок пламени и погасла. Волк, почувствовав запах улицы, помчался из комнаты.

Желтоватый луч фонарика выхватил из темноты верхнюю ступеньку лестницы. Когда в этом луче появилась серая, взъерошенная спина, Фролов бросил багорик. Он застрял в боку зверя.

Волк завыл и кубарем скатился по лестнице со второго этажа. Потом, когда вой зверя затих вдалеке, мы, разочарованные, вернулись в комнату.

«Молния» опять горела над столом. Громко смеялись присутствующие, разбирая поведение каждого во время трехминутного происшествия.

Заседание пришлось прервать.

А утром возчик деревообделочного цеха базы флота подвез к караванке замерзшую тушу. Волк успел отбежать по дороге три километра.

ЗАДАЧА

ежкий морозец щиплет нос и щеки. Горячее дыхание инеем застывает на ворсинках меховой ушанки. Скрипит и искрится снег, глубокими морщинами уложенный ветром по льду водохранилища.

Широким шагом идет обветренный человек. Полушубок подпоясан ремнем, к которому за спиной подвязана пешня. По вмятинам следов она чертит беско-

нечную линию, теряющуюся в снежном просторе.

Вот человек остановился у голого кустика. Здесь поставлена сеть. Скинув меховые рукавицы, по привычке поплевав на руки, рыбак начинает долбить лед. Высоко подпрыгивают раскрошенные льдинки. Темнеет водою готовая прорубь. Рыбак склоняется и вытягивает на лед сеть.

Метр, два... Блеснул серебром чешуек судак. Лениво всплескивая, широко глотая воздух, замирает лещ. Цепкие руки быстро освобождают добычу, и на льду, все реже взмахивая хвостами, замерзают жильцы водного мира.

Прошел час. Сеть снова поставлена под лед. Рыбак идет дальше, к другим сетям, по одному ему известным ориентирам. Где-то сзади слышится тяжелое дыхание лошади. Пойманная рыба собирается в огромные корзины, поставленные на санях.

...Вечереет. К рыбхозу на мысе Рожновском подъезжает подвода. Возчик кричит своему товарищу:

— Слушай, Сергей! У твоей кучи опять была лиса. Вот рыжая, каждый день нажигает тебя на рыбу! Твоя иждивенка со вкусом, выбирает самую крупную.

Рыбак чертыхается, беспомощно разводя руками. Его товарищи хохочут.

У Сергея не первый раз убавляет улов смышленная лиса, которая бродит по его следам на водохранилище.

— А что мне делать? За хвост ее не поймашь, — с грустью говорит он.

Вперед выступает пожилой рыбак с редкими оспинами на лице и рыжеватой щетиной бороды. Он хлопает Сергея по плечу.

— Научу. Дело-то очень простое. Есть и на нее управа.

Снова вечер. Снова багровое солнце золотит вершины деревьев и кладет возле них густую тень. Снова из-за поворота дороги появилась подвода. Сергей вышел на крыльцо, выжидающе глядит на возчиков. Из саней раздается смех.

— Ну и задали воровке задачу. Хуже, чем с виноградом, у нее получилось. Накружила следов вокруг рыбы, со злости хвостом по снегу била, а все-таки ушла не солоно хлебавши.

— И нитка-то, нитка-то тонюсенькая и чуть выше снега натянута вокруг рыбы, а не перескочила, струсила. Картинка! Забирай свою корзину. Сегодня без урона, благодари дядю Костю за выдумку.

ДРУЗЬЯ

Маленькую избушку, что стоит у клеверного поля, занесло снегом. В ней живут двое. Мужчина средних лет с небольшой рыжеватой бородкой и маленькая собачонка, похожая на лису. Мужчина сидит у камелька и шевелит полыхающие жаром уголья. Собака, вздрагивая ушами, тихо дремлет под лавкой.

Вот она наострила уши, встала, подошла к двери и заскулила. Мужчина выпустил ее и, закрыв дверь, опять подсел к огню.

На поляне, на сугробе, словно язык пламени, торчал пенек. Увидев его, собачонка побежала, потом легла и медленно поползла.

Рыжий пенек ожил. Он оказался молодой лисицей. Она приготовилась к встрече и нетерпеливо елозила хвостом по мягкому снегу. Обнюхав друг друга, лиса и собачонка начали играть. То собачонка налетит на лису, то лиса толкнет ее острой мордой. Вот уже, осторожно покусывая друг друга, они катаются по снегу, и не поймешь, кому принадлежит пушистый хвост и хитрая мордочка.

Все смелее и смелее становилась молодая лисица. Вместе с собакой подходила к самому домику. С любопытством наблюдал за ними человек и удивлялся такой редкой дружбе. Рядом ходил ценный пушной зверь, в избушке висело ружье, да не подымалась рука сделать выстрел.

Прошел месяц. Исчезла с крыльца свежая рыба. Пропала пара меховых рукавиц. Надоело мужчине выпускать собачонку на частые ночные свидания, и он решил.

По-прежнему нарушается покой человека. Часто воет собака у висящей на стене шкурки, словно зовет ее поиграть с ней, и досадует на коварство своего хозяина.

ЖИВЫЕ ЗОНТИКИ

а тер шел вдоль границы затопленного леса в районе речушки Яны. Среди картин, причудливых, меняющихся по ходу судна, наше внимание привлекла небольшая рощица.

Это был отмерший сосновый бор, наполовину погруженный в воду. Хвоя давно осыпалась. Сквозь кружево ветвей просвечивало яркое июньское солнце. Какие-то темные узлы на деревьях издали напоминали грачиные гнезда на кладбищенских березах.

Темные узлы и в самом деле оказались гнездами, но только не грачей. Здесь разместилась колония серых цапель. Гнезд было больше двухсот. На некоторых крупных соснах — по три-четыре. И у каждого стояли сторожа.

Позы некоторых птиц показались нам странными. Подогнув ноги, цапли полу-распущенными крыльями закрывали гнезда, отвернувшись от солнца, как будто по команде.

Почему они сидят так?

Загадка была быстро разгадана. Серые цапли, превратив свои широкие крылья в зонтики, спасали неоперившихся птенцов от солнечного удара.

НЕЗНАКОМЫЙ ЗВЕРЕК

Вечерний сумрак густой тенью заволакивал все вокруг. По крутой, обмерзшей лесенке я подымался от ворот шлюза на площадку. Недалеко заметил двух мужчин, что-то внимательно рассматривавших внизу. Решил подойти к ним. Снег хрустел под ногами, и многократное эхо терялось в глубокой камере шлюза.

— Тише подходите, — услышал я предупреждающий голос, — здесь какие-то зверьки.

Вместе со зрителями я перегнулся через решетку ограждения и всмотрелся в серую пелену снега — метров на десять ниже нас.

— Вон там, в углу, у самых шлюзов, в земляной дамбе, у них нора. Они почти не боятся людей. Вы не знаете, что это за зверьки?

Полная луна вывернулась из разорвавшихся облаков, осветила куст чертополоха и двух зверьков, разгребающих носами снег.

— Ах вот вы где вынырнули! — неожиданно воскликнул я, увидев их острые мордочки. — Как же, знаю, встречался с ними — и при любопытных обстоятельствах.

— Расскажите, — попросили меня.

Это было еще осенью. На старой вырубке у болота мне повстречался охотник. Поздоровавшись, мы сели на поседевший от времени ствол осины, закурили и разговорились.

Там, в лесу, мой случайный собеседник поведал мне курьезный случай.

— Подошел я как-то летом к горшке с барсучьими норами, — начал он. — Там лежала поваленная ветром старая ель. Корни ее торчали как щупальцы огромного спрута. Из-под них выскочил какой-то зверек. Мелькнув серебристой спинкой, он тотчас скрылся в чаще. У корней я обнаружил неглубокую нору. В ней на подстилке из сухой травы и листьев лежали, прижавшись друг к другу, четыре щенка убежавшего зверя.

Не раздумывая долго, забрал я их с собою. Считал, в союзе охотников будут хвалить за находку, отправят зверят в зоосад. Получи-

лось не так. Пришлось покраснеть перед товарищами. Зверьки-то оказались привозными! Их на водохранилище специально разводят! Предложили мне прокормить щенят двадцать дней, пока не окрепнут, затем отнести их в лес.

Принес их домой. Заворчала на меня хозяйка:

— Дармоедов теперь кормить придется. Эх ты, охотничек!

Зато ребята обрадовались: для них щенки — забава. Кормили их молоком, хлебом, картошкой. Запрягали в маленькую тележку, под колыбельную укладывали спать. Зверьки быстро привыкли, стали совсем ручными. Только хозяйки боялись. Путаются у нее в ногах на кухне и что-нибудь выпрашивают, скулят, надоедают. Крикнет она, бывало:

— Пошли вон, паршивцы! — Тряпкой махнет, и те стремглав разбегаются в стороны.

Проказить начали. Один залез головой в кувшин, и застряла она там. Визгу было! Пришлось разбить еще совсем новую посудину. Насмеялись досыта.

Хозяйка браниться потом перестала. Кот стал меньше выгибать лохматую спину и при их приближении добровольно уступал свою миску с молоком.

Прошло 20 дней. Жалко стало выпускать зверьков. Сколько веселых минут они нам доставили. Теперь хожу по лесу и присматриваюсь, хочется встретить прежних знакомцев. Вы их не встречали? — обратился он ко мне.

Тогда я сказал — нет. Но потом...

Через несколько дней я задержался немного на работе. Меня поджидали ребята нашего дома. Они наперегонки бросились навстречу и, словно муравьи, кругом облепили меня.

— Скорее, дядя Сережа! Зайдемте к нам. Мы нашли в лесу зверька. Он сахар ест. У котенка выпил все молоко и миску перевернул.

— Стойте! Что вы, как галчата, галдите? Какой зверек? Заяц или лисенок?

— Нет, нет. Он вроде собачки. Серенький. Лапки коротенькие. Такой потешный. Скажите, как его зовут?

— Хорошо. Пойдемте, посмотрим.

В углу комнаты, за перевернутой табуреткой, мирно дремал не-

большой зверек. Его собачья мордочка лежала на рукаве ватной фуфайки, заботливо подложенной ребятами. Услышав шаги и голоса, он лениво приоткрыл глаза и сразу их закрыл. Наш приход нисколько его не взволновал.

Пытливые глаза ребят настороженно смотрели на меня. Им хотелось знать, кого принесли они из леса.

— Это щенок енотовидной собаки. Такие зверьки появились у нас недавно. Их разводят в наших лесах. Отнесите-ка его туда.

Ребята молча переглянулись. Искорки погасли в их глазах. Однако они отнесли щенка в лес.

Вот так я познакомился с енотовидными собаками.

Разговаривая, мы больше не остерегались. Зверьки изредка поглядывали вверх и опять продолжали ковыряться в снегу.

— Так вы считаете, что эти зверьки из того выводка?

— Давайте проверим. Пошли вон, паршивцы! — крикнул я вниз.

Оба зверька метнулись в стороны, оставляя за собой след вспаханного снега.

Оговариваюсь: рассказанное мною произошло давно, когда на территории нашей области только что приступили к разведению енотовидных собак. Естественно, они находились под охраной. Теперь эти ограничения сняты.

ЗА ВОЗОМ СЕНА

олго шла борьба между осенью и зимой. Позднее обычного замерзли реки и земля покрылась снежным покрывалом. Первые зимние дни радуют глаз свежестью красок. Как приятно на лыжах пробежаться по неглубокому снегу, подышать ядреным воздухом в лесу, имея за плечами ружье.

В выходной день я стою на опушке леса под раздетой березкой и смотрю через небольшую полянку на группу берез. На вершинах их, покрытых сережками, уселась стайка тетеревов. Они

зорко смотрят вокруг, а так хотелось бы к ним подобраться на выстрел. Без лайки сделать это не просто. Нужен четко разработанный план подхода.

Стою и думаю.

Из леса на поляну выезжают две подводы, груженные сеном. На переднем возу сидят и курят двое мужчин. Вторая лошадка без седока, равномерно шагает за первой.

Вдруг из леса медленной рысцей выступает крупная лосиха. Догнав воз, она схватила клочок сена и, опустив его на дорогу, сжевала.

Потом вторично догнала подводу, опять ухватила клочок и съела его стоя. Затем, видно, она нашла такое дело невыгодным, подошла к возу и стала щипать сено и есть на ходу, не отставая от движущейся подводы.

Я наблюдал за ней несколько минут, пока подводы не скрылись в лесу.

Пока любовался лосихой, мои тетерева успели сняться и улететь.

ДЛИННОНОГИЙ ТАНЦОР

утра беспрерывно шел дождь, но к вечеру посветлело. Ветер изорвал в клочья низкие облака и затих. Вдруг на стене каюты, в пятне иллюминатора, задрожала радуга.

Я вышел на палубу. Узкая гряда свинцово-серых облаков закрыла заходящее солнце. Курчавые вершины ее тонули в ярко-голубом весеннем небе. Небольшие обрывки туч на синеве горели расплавленным золотом, крупные дымилась горячей серой. А вдали одна тучка рассыпала линии розового дождя.

Это был неповторимый закат. Мы с Владимиром Степановичем сидели и молча любовались беспрерывной сменой окраски облаков.

— Кур-лы, кур-лы, — раздалось где-то рядом.

От неожиданности я вздрогнул и оглянулся.

— Напугали, где-то близко журавли, — произнес я в раздумье.

— Журавли на клюквеннике, в конце вот того островка. Уже три года у них гнездо на этой сплавине. Сейчас провожают день. А вы видели танцующих журавлей?

Я ответил отрицательно.

— Советую встать до восхода солнца. Утром их крик более звонок и повторяется чаще. Понаблюдайте в бинокль. Интересная картина!

Я последовал совету Владимира Степановича. Чуть свет забрался с биноклем на самую высокую точку баржи и стал ждать.

Журавли появились как-то неожиданно из-за большой кучи коряг, выброшенных на берег бушевавшей волной. Их было два — самец и самка. Отряхнув с себя капли росы и задрав вверх длинные шеи, они смотрели на восход и терпеливо ждали появления солнца. А оно, невидимое, жило в розоватых облаках, серебрилось в далеких вершинах затопленного леса и на крыльях взмывшей вверх чайки.

Вот появился ярко-красный кусочек диска, и забеспокоился журавль. Он поднял выше голову, как будто хотел встать на цыпочки и заглянуть, будет ли сегодня солнце таким же ласковым, как раньше.

— Кур-лы, кур-лы, — разнеслось кругом его утреннее приветствие.

Вскрикнув, журавль изогнул шею, торжественно прошелся немного по острову. Остановился, опять посмотрел на солнце и еще раз прокричал свое «кур-лы».

Возвратился к самке, полураспустив крылья, развернув веером свой куцый хвост. Полный достоинства, обошел вокруг застывшей самки и трубно закричал в свежий утренний воздух.

Вдруг журавль согнул в змейку свою длинную шею, присел, взмахнул крыльями и прыгнул вверх. Сделав два прыжка, снова обошел вокруг самки. Она спокойно приводила в порядок оперение и словно совсем не замечала своего ухажора.

А самец все прыгал, ходил и вскрикивал.

Долго ли продолжалось бы это ухаживание, сказать трудно.

Из-за соседнего острова показался катер. Он прошел близко от клюквенника. Журавли снялись с него и закружились в воздухе, не спуская глаз с известного только им гнезда.

ОШИБКА

Тихо в лесу. Голые вершины берез ослепительно сверкают в лучах восходящего и совсем не греющего солнца. Я сижу в шалаше из переплетенных лапушек елки и изредка бросаю взгляд в смотровые щели. Мне хорошо видна группа старых берез, густо осыпанных коричневыми сережками. На ближайшей березе два тряпичных чучела косачей невозмутимо смотрят на восход. Сажу и жду шумного прилета настоящих птиц.

Проходит десять, двадцать минут. Становится светлее. Легкий морозец щиплет кончик носа и пробирается под фуфайку. Где-то каркнула на лету ворона, вскричала сойка.

Острый посвист нарушил тишину раннего утра. Я быстро взглянул на чучела. Руки сами тянутся за ружьем. Не могу сразу осмыс-

лить случившегося. Крупный ястреб-тетеревятник, вонзив когти в чучело, пытается стащить его с сучка, за который оно привязано. Часто махая крыльями, он старается подняться вверх с косачом, чтобы где-то полакомиться свежей дичиной. Но этот красавец крепко зацепился за дерево, и нет сил оторвать его. Ястреб сердится и с размаху бьет косача в голову. Кусок черного сатина, извиваясь, падает на снег. У красных надбровий высунулся кусок ваты.

«Погибнет чучело», — думаю я и осторожно просовываю ружье в смотровое окно.

Выстрел эхом прокатился по лесу. В недоумение застыл ястреб и, еще раз взмахнув крыльями, поник головой, а потом свалился на бок, не выпустив добычи и так и не поняв случившегося.

ГАЛКА-ВЫДУМЩИЦА

Ясный день начала мая стоял я на плотине и любовался, как чайки, только что прилетевшие с юга, ловили маленьких рыбок. Птицы пронзительно кричали, радуясь возвращению к знакомой плотине. При шлюзовании она выбрасывала с водой много оглушенных рыбок — их любимую пищу. Стремительно снуя у плотины, чайки словно ткали какой-то сложный узор.

— Смотрите, смотрите! — подтолкнул меня приятель. — Что это галка обхаживает каболку?

Я оглянулся. Недалеко от нас, у стены высокой эстакады, лежала веревочка. Галка клюнула ее, тряхнула и поднялась в воздух. Конец веревочки еще продолжал лежать, как она опустилась на землю. Что-то ей не понравилось. Может, галке показалось, что веревочка привязала ее к земле?

Галка глубокомысленно обошла еще раз вдоль веревочки, разговаривая сама с собой.

Вот она опять взяла клювом один конец и быстро пробежала до второго. Веревочка оказалась сложенной вдвое.

Немного постояв на середине, галка ухватила клювом сложенную веревочку и, сделав несколько взмахов крыльями, быстрее оторвала ее от земли и унесла на верх эстакады. Здесь у нее было облюбено местечко для гнезда.

Долго она возилась с непослушной веревочкой, пока не уложила ее в маленькие круги. И сразу получилась вороночка, внутрь которой теперь можно таскать любые мягкие предметы.

ПЯТОЕ ЯИЧКО

ы двое шли по торфяному острову — сплавине. Торопились на плавучую баржу — метеостанцию, укрывшуюся от ударов волн за этим островом. Владимир Степанович шагал впереди. Из невысокой порыжевшей осоки торчали щупальцы пней. Кое-где поблескивали на солнце бочажки чистой воды и плешины черно-бурой грязи. Ходить по такому острову опасно. На всякий случай в руках у нас огромные шесты. Прощупываем на пути коварный остров, прыгаем на корневища осоки, кочки.

Когда до баржи осталось совсем недалеко, встретили перед собой полосу жидкой грязи. Выбрав впереди большую кочку, Владимир Степанович прыгнул.

Кочка качнулась под ним, стараясь уйти из-под ног.

Раздался резкий свист. Мы оглянулись. Рядом, из-под ивового кустика, выпорхнула серая утка. Набирая высоту, она улетела в море.

Как стремителен был ее полет!

С помощью шеста я подобрался к кусту, раздвинул в стороны свежие ветки. На земле, чуть прикрытой сухой травой, было утиное гнездо: в углублении лежали четыре яичка.

Нам вспомнились рассказы старых охотников, что дотрагиваться до яиц нельзя: на них останется запах человека и утка может забросить свое гнездо. И мы не тронули их.

На другой день, продолжая работать на острове, несколько раз подходили к гнезду. Глазами считали яички: одно, два, три. Опять четыре. Неужели утка забросила свое гнездо?

На четвертый день вечером, когда на море было совершенно тихо, нам показалось, что кто-то низко над землей пролетел к гнезду. Взяв бинокли, начали наблюдать. Были сумерки. На остров успели лечь густые тени, и знакомый кустик выглядел темным пятном. Низкая луна серебрила вдали узкую полосу воды, да у самого берега светилась спокойная гладь. В густой траве ничего не было видно.

Но вот мы заметили, как с кромки низкой сплавины на воду спустился серый комок. Осторожно огибая остров, оставляя за собой струйки потревоженной воды, направлялся в сторону затопленного леса.

«Уплыла, — подумал я. — Может, завтра будет пятое яичко».

Проснувшись утром, не умываясь, мы побежали к гнезду. Нетерпеливое любопытство снедало нас обоих.

Проходя у кромки плавучего острова, неожиданно увидели утку. Заметив нас, она заторопилась к воде. Голова ее поворачивалась из стороны в сторону, а бусинки глаз беспокойно следили за нами. Владимир Степанович взмахнул руками. Утка не взлетела.

— В чем дело? Почему она не взлетает? Сейчас я ее поймаю.

Согнувшись и растопырив руки, он побежал к утке. Раскрыв клюв и делая зигзаги, утка торопилась к воде. Когда руки Владимира Степановича были готовы схватить ее, она крикнула и, расправив крылья, поднялась в воздух. При взлете у нее из-под крыла вывалилось яйцо

и упало около рук Владимира Степановича, схвативших вместо утки горсть сухой травы.

В недоумении мы остановились. Потом оба побежали к гнезду. Раздвинули ветки и заглянули в знакомое место. В гнезде было пусто. За тихую ночь утка перетаскала свои яички в новое гнездо.

ВОЗДУШНАЯ АПТЕКА

а маленькой лодочке я проезжал по просеке затопленного леса. Впереди, на краю просеки, стояла большая голая сосна со сломанной вершиной. Она была намного выше своих подруг и была хорошо видна издалека. Я заметил, как на вершину этой сосны уселась серая цапля. На своих длинных ногах и с длинной шеей она резко выделялась на голубом фоне неба. Цапля не шевелилась. Только голова медленно поворачивалась: птица внимательно осматривала окрестность.

Потом подлетела вторая.

Первая цапля, наклонившись вперед, как пловец, прыгающий в воду, оттолкнулась от сосны и полетела, выставив назад несогнутые ноги, а вторая уселась на освободившееся место и так же застыла.

Решил остановиться и немного понаблюдать за этой сосной. Она напоминала мне наблюдательный пост, а неподвижная цапля — часового.

За полчаса цапли два раза подлетали к сосне, сидящая добровольно уступала место.

Направление прилета всегда было одно и то же. Я решил, что там должно быть гнездо.

Одна цапля охотится, а вторая отдыхает и следит за гнездом, потом они меняются.

Я поехал дальше и против сосны свернул в лес. Цапля забижала, слетела с сосны и начала кружить, издавая неприятный, почти безголосый, скрежещущий звук.

Найти гнездо было делом несложным. Его я увидел издали. На вершины двух сосенок свалилась третья. Верх этих сосенок цапли накрыли огромной шапкой из переплетенных сучьев. Когда я подъезжал к гнезду, появилась вторая цапля. Они подлетали совсем близко ко мне, и иногда казалось, что которая-нибудь из них долбанет на лету своим большим клювом.

Встав на скамейку в лодке, я заглянул в гнездо. В нем лежали три птенца. Бросилось в глаза, что птенцы прижимают к гнезду свои головы, как будто хотят спрятаться, что один из птенцов вдвое больше других и из широко раскрытого клюва у него торчит половина крупной плотички. Я подумал, что этот птенец не успел проглотить рыбу, помешал предупредительный крик родителей и мое появление. Ждал, вот-вот у меня на глазах плотичка исчезнет в желудке жадного цапленка. Но он словно и не собирался проглотить рыбу. Можно было ясно разглядеть, где начинается голова плотички. Шея цапленка в этом месте была толще обычной.

Взяв плотичку за хвост, я потянул ее вверх. Цапленок с силой прижимал свою голову к туловищу и совсем не собирался выпускать рыбу. Я посмеялся над ним:

— Чудак ты! Подавишься рыбой, вон у тебя глаза уже навывкате! Выплюнь ее, пока не поздно. Доктора Айболита на море нет.

Мне самому очень хотелось есть, поэтому я уехал на станцию. Но меня мучило любопытство к жадному цапленку, и часа через два я все же решил еще раз посмотреть на него.

Заглянув в гнездо, я увидел, что из клюва цапленка торчит только маленький кончик хвоста. Вся рыба уложилась в пищеводе, поэтому шею раздуло флюсом.

Теперь я был уверен, что с цапленком ничего не случится.

В это время в глаза бросился один посторонний в гнезде предмет. Я взял его в руки. Держу и не верю — пузырек из-под пеницилина!

Откуда попал сюда пузырек? Ближайшая аптека в двадцати километрах, добрый доктор Айболит тут, конечно, ни при чем.

Пузырек был облеплен зеленью. Видно, долго его качала волна, пока не забросила в затишье. Здесь его обнаружила цапля и принесла в гнездо. Давно известно, что птицы любят блестящие предметы.

МЕРТВАЯ ХВАТКА

Работа занимает пятнадцать минут. Сорок пять минут жду начала новых наблюдений, изредка бросая взгляд на часы. Моя лодочка спряталась в густых зарослях камыша, только корма с приборами выглядывает в крупную заводь.

Свободного времени много, можно спокойно покурить, подумать.

Кругом тишина. Вода блестит до боли в глазах. Полуденное солнце ласково заглядывает в лицо и укладывает на него теплые частички загара. Слабо шуршит камыш, словно шепчется между собой по секрету.

Откуда-то сзади появилась стайка короткохвостых крачек. Маленькие чайки повисли в воздухе, часто махая крыльями. Вот одна из них, затем вторая, третья камнем падают в воду и с рыбкой взмывают вверх.

Не один малек заплывшего сюда косячка будет съеден проворными птицами.

Слева, из разрыва тростника, слышен слабый писк. Присматриваюсь. Разрозненный выводок утят появляется в заводи. Настороженная мамаша, заметив лодку, крикнула и, сделав короткий перелет, тревожно сзывает своих утят.

Они не торопятся. Пока человек в лодке им не страшен, а уроки мамыши не сразу усваиваются.

Совсем рядом раздался резкий всплеск.

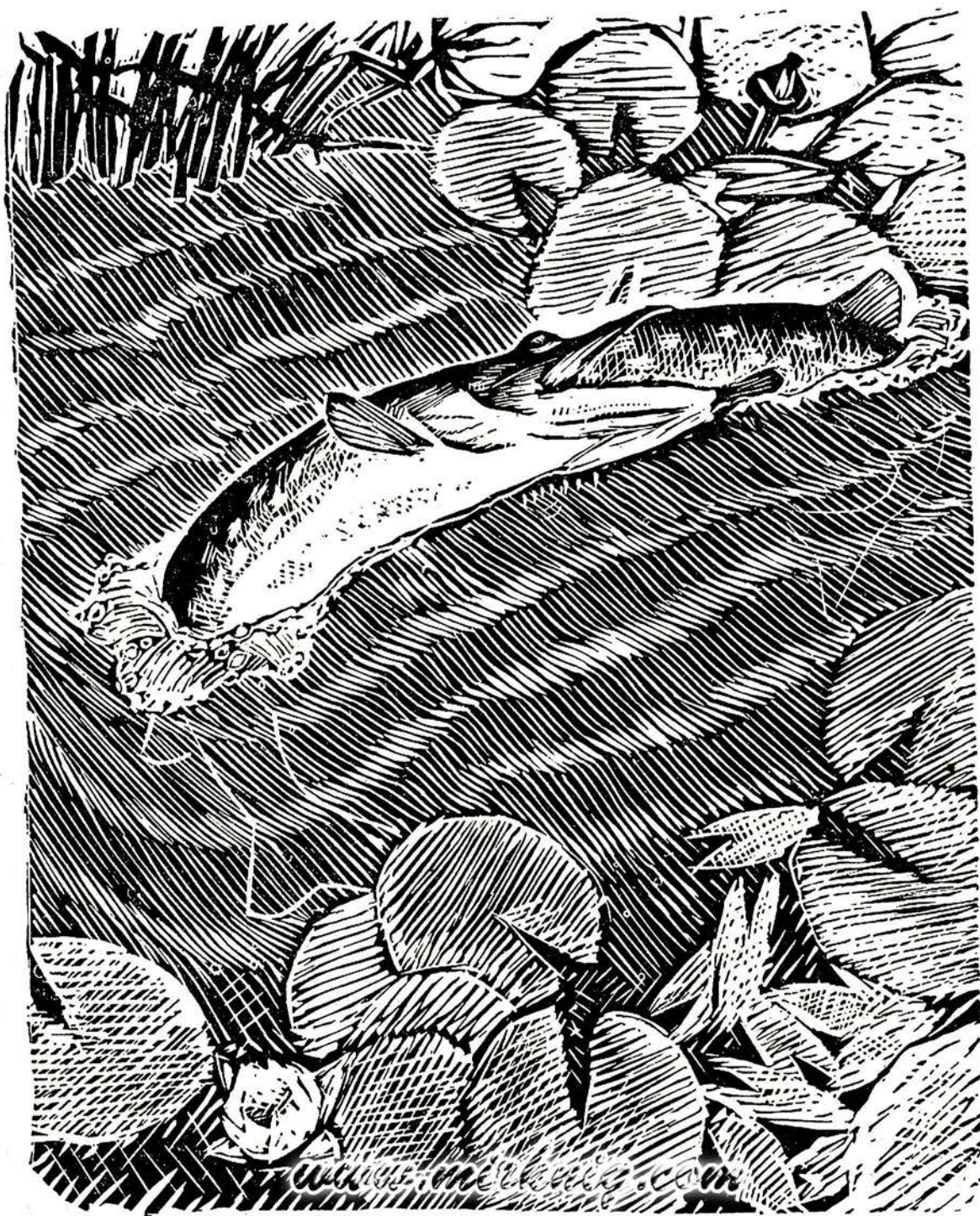
Крупные круги нарушили тишину заводи. Какая-то внутренняя сила колышет на глубине воду.

Встаю. Передо мной из воды показывается дуга с коричневыми пятнами. Капельки воды падают с нее на воду, на секунду сверкнув радугой. Резкий всплеск концов дуги, брызги — и снова волна морщит воду.

Что это?

За мгновение не успел ничего разобрать.

Слежу глазами за направлением кипящего котла. Вот он напра-

вился к затопленным сосенкам. Одна из них качнулась, окунулась голыми сучьями в воду и снова выпрямилась, роняя с ветвей слезы досады.

Подвижные круги опять движутся ко мне. Хочется, чтобы пятнистая дуга появилась еще раз.

И она появилась. Это было живое существо с двумя хвостами, без головы. Хвосты били по воде, тело моталось, изгибаясь и блестя на солнце.

Да ведь это две щуки! Одна схватила другую, не рассчитав ее размеров. Равные силы, борьба не на жизнь, а на смерть.

Настал срок наблюдений. Опускаю в воду термометры и искомса слежу за направлением схватки в воде...

Через час рассказываю на станции о виденном. Дядя Саша заторопил меня:

— Поедем скорей туда! Они там, у щуки мертвая хватка. Зубы смотрят внутрь, и щука не может выплюнуть добычу. Они лежат где-нибудь мертвые.

Дядя Саша был прав. Мы обнаружили щук, полумертвых от бессилия, у одной из коряг в той же заводи. Вечером все ели свежую уху.

РЫЖИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Подвесной мотор четко выстукивает свой немудреный напев. На носу лодки радуют глаз полные корзины грибов. Мы Югским заливом возвращаемся в Переборы. Хочется есть, тело чувствует усталость, но настроение хорошее. Часто звенит смех, все довольны поездкой в лес, одетый в свой осенний, багряный наряд.

— Лево руля, — неожиданно вскрикнул Юрий.

Заворачиваю лодку в сторону и шарю глазами по поверхности воды, пытаюсь разглядеть затопленную корягу. Но ее нет.

— Подверни ближе к пирамиде, на ней зверьки!

Смотрю на обрешетку плавающей рядом пирамиды, но ничего не вижу. Только мерцающий сверху огонек слегка покачивается на воде.

Но вот сквозь узкие щели между досками мелькнуло что-то рыженькое. Круто поворачиваю лодку, захожу к зверькам.

Пять белок, мелькнув своими пушистыми хвостами, спрятались от нас на противоположной стороне. Снова резко поворачиваю лодку. Белочки, увидев нас, вприпрыжку исчезают. Иногда хитрая мордочка выглядывает из-за угла.

— Ну и эквилибристы! Так и не разглядишь их хорошенько.

Кружу вокруг пирамиды. Белки все чаще и чаще спускаются близко к воде. Неожиданно одна из них, самая крупная и красивая, бросилась в воду и поплыла.

За ней, спружинив тела, прыгнули еще три. Только пятая, самая маленькая белочка, несколько раз пыталась последовать их примеру, но в последнюю секунду ей не хватало решимости.

Вдруг она издала щелкающий звук и наострила уши. Уплывшие сгруппировались в кучу. Первая ответила что-то на своем беличьем языке. Тогда пятая белочка сжалась в упругий комок, резко выпрямилась и, вытянув ноги, тоже прыгнула в воду. Быстро-быстро размахивая ножками, она нагоняла своих подруг. Как цветы каштана, торчали из воды их пушистые хвосты да над маленькими головками кисточки растопыренных ушей. Белки держали курс на материк.

На воде было почти тихо. Юршинский остров надежно защищал сегодня залив от беспокойного моря.

— Надоели белкам грибки, а шишек, видно, маловато на острове. Бегут искать лучшие места, — в раздумье промолвил Юрий.

— А как они очутились на пирамиде?

— Залив широкий, не сразу переплывешь. Видишь, разделили путь пополам... Хитрющие, отдыхали на пирамиде.

Счастливого добратья вам до лучших мест, рыжие путешественники!

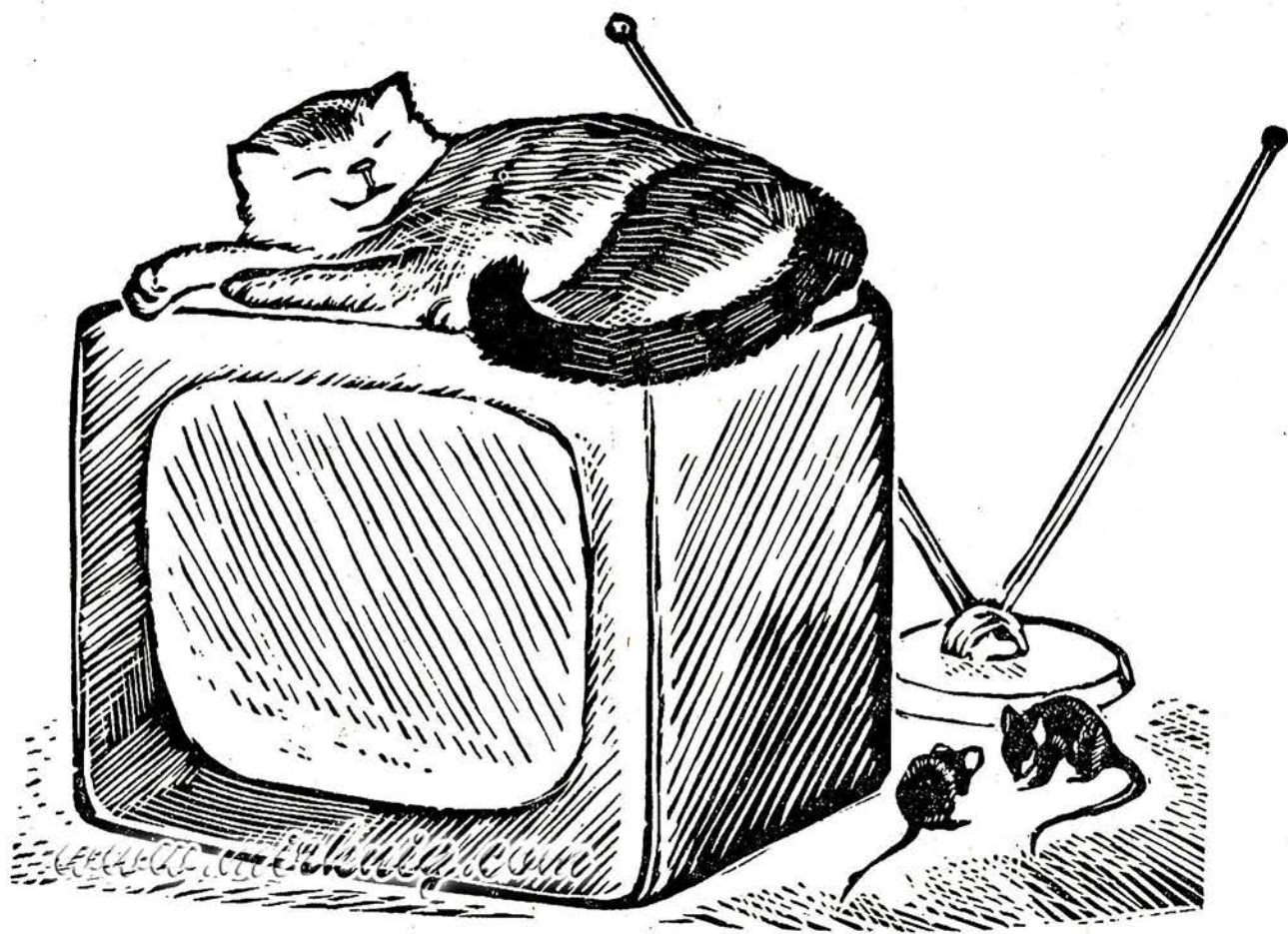
ЗЕМЛЯК ПРОШТРАФИЛСЯ

А в 1946 году последние жители покинули город Мологу. Море залило оставленные дома, и грозные волны с остервенением начали бить в их кирпичные стены, пытаясь повалить в воду, расчистить себе путь к далекому берегу. Косяки рыбы да лодочка исследователей часто проплывали над затопленными фундаментами домов.

Однажды на чердаке одного из домов был обнаружен одичавший кот, отставший от своих хозяев. Тощий, с мокрой шерстью, он ловил зазевавшихся рыбешек и этим спасал себя от голодной смерти.

Кота подобрали и увезли к брезентовым палаткам. За лето он подобрел, стал выглядеть важным и вечно занятым. Часто, извиваясь змеей, он терся вокруг кирзового сапога Елены Михайловны и мурлыкал, словно хотел отблагодарить ее за свою новую судьбу.

Наступила глубокая осень. Кончились исследования на море, и экспедиция засобиравлась к себе в Ленинград. Жалко стало оставлять кота одного на острове. Елена Михайловна увезла его в Ленинград.

Живет он у нее уже десять лет. Состарился, поседел, заленился. Съест отдельной колбаски кусочек и забирается спать на телевизор. Целый день лежит на нем без движения, только вздрагивающие усы подают признаки жизни. Привык к мелькающим кадрам на экране телевизора, к пушечным выстрелам в военных картинах и к веселым песням в концертах. Ни при каких условиях не хотел ронять своего кошачьего достоинства.

Уехала Елена Михайловна в командировку. Ее родственники каждый день приходили кормить кота. Казалось, все было хорошо. Но это не так. Вернулась Елена Михайловна. Захотелось ей послушать кон-

церт. Включила телевизор, а он не работает. Забеспокоилась, пригласила радиомастера.

Не тревожа кота, он раскрыл ящик телевизора и громко расхохотался. На панели телевизора лежало мышиное гнездо, а один проводок, мешавший движению, был перегрызен.

ВРОЖДЕННОЕ ЧУВСТВО

ом моего товарища облюбовали ласточки. По всем карнизам были их гнезда — искусные полушария. Целыми днями быстрокрылые птицы носились по улице, а вечером, усевшись на проводах, вели задушевные беседы.

Весной мой товарищ укрепил на крыше скворечню, а над ней сухую ветку яблони. Пара скворцов поселилась в новой квартире.

В конце мая прилетели ласточки. Усталые, они опустились на знакомые провода. Отдохнув, оживились, начали проверку своих гнезд. Тогда и обнаружили новых соседей.

Видимо, такое соседство им не понравилось. Как только скворцы показались у скворечни, ласточки подняли пронзительный крик и, летая, старались задеть их крылом. Скворцы прятались внутрь. Но стоило только им выглянуть, как возобновлялись упорные атаки. И так изо дня в день. Не выдержали скворцы, улетели куда-то и больше не появлялись на сухой ветке яблони.

Зато пара ласточек стала залетать в скворечню. Все мы сочли это случайностью. Но летом из дощатого домика раздалось требовательное попискивание. Ласточки все чаще сновали в окошечко и обратно — кормили своих нетерпеливых птенцов.

Наступила осень. Улетели на юг ласточки. Потом выпал снег. Однажды при сильном ветре упала в снег скворечня. Ее подобрали, ради любопытства заглянули внутрь.

— Врожденное чувство, — произнес мой товарищ. — Посмотри!

Заглянув в маленькое отверстие, я увидел вверху скворечни, под крышей, серенькое гнездо, вылепленное из грязи.

ДОРОГА ЖИЗНИ

эту зиму осадков выпало выше нормы. Почти каждый день крупные хлопья снега сыпались с низкого серого неба, набрасывая полупрозрачное покрывало на вечерние огни. Высокие сугробы теснились к калиткам, и истоптанные дорожки еле заметной стежкой перебегали от дома к дому. Мохнатые снеговые шапки давили крыши и ломали молодые побеги притихших деревьев.

И весна оказалась необычной — ранней и дружной. Теплое дыхание с юга обожгло снега, и они ветвистыми ручейками проложили себе пути к рекам.

Рыбинское водохранилище быстро наполнялось, а вода все прибывала, заливая участки земли, никогда не подвергавшиеся затоплению.

Во время шторма, когда ветер сгоняет воду к наветренному берегу, в беде оказался муравейник на мысе Рожновском. Одиноким островком торчал из воды только верх муравейника. Яркое солнце пригрело его макушку. На ней кишмя кишели озадаченные муравьи. Одиночные храбрецы-разведчики спускались до самой воды и, потоптавшись у непреодолимой границы, со свежими новостями терялись в кипящей гуще на вершине, где, словно на вече, шло обсуждение случившегося.

Мне стало жалко их, оказавшихся в плену у стихии. Весна настойчиво напоминала им о привычных обязанностях, но не было выхода из неволи.

Снова я попал на мыс Рожновский лишь через месяц. Любопытство погнало меня к муравейнику.

Я был озадачен и несколько раз обошел знакомый участок. Муравейник исчез. На его месте, словно кратер потухшего вулкана, лежала узкая, сцементированная водой, полоска мусора. Куда он мог исчезнуть? Наклонившись низко к земле, я еще раз обошел «кратер» и заметил в густой траве узкую голую дорожку. Нырняя среди травы, обходя кусты и встречные сосны, она зеленым тоннелем углублялась в лес, карабкалась на вершину горюшки и заканчивалась у высокого пня, где всегда росла сочная земляника. Вокруг пня расположился новый

муравейник. Правда, по объему он был меньше старого, но жизнь в нем текла обычным порядком.

Невероятно, какую работу совершил этот организованный трудолюбивый коллектив муравьев, проложивший дорогу, а затем перетаскивший свое гнездо на новое место.

СОДЕРЖАНИЕ

Исчезнувший чертеж	3
Сердце матери	5
Редкий экспонат	7
Необычный источник	9
Трехминутное происшествие	10
Задача	15
Друзья	17
Живые зонтики	18
Незнакомый зверек	19
За возом сена	21
Длинноногий танцор	24
Ошибка	25
Галка-выдумщица	26
Пятое яичко	27
Воздушная аптека	29
Мертвая хватка	31
Рыжие путешественники	34
Земляк проштрафился	35
Врожденное чувство	37
Дорога жизни	38

Для детей младшего школьного возраста

Редактор К. Яковлев
Художественный редактор В. Усов
Технический редактор В. Ходина
Корректор Т. Дегтярева

Сдано в набор 18 марта 1964 г. Подписано к печати 23 мая
1964 г. Бумага 70×90¹/₁₆=1,25 бум. л.,
2,5 физ. печ. л., 2,9 усл. п. л., 2,1 уч.-изд. л.
Тираж 30.000 Заказ 185. Цена 7 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по печати, г. Ярославль,
ул. Трехфолева, 12.

Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

7 коп.

Верхне-Волжское

КНИЖНОЕ

издательство

ЯРОСЛАВЛЬ

1 9 6 4